

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин

УБИТЬ НЕКРОМАНТА
КОРОНА, ОГОНЬ
И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Екатерина Звонцова

СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Ава Райд

ВОЛЧИЦА И ОХОТНИК

Дана Арнаутова

ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

А. Л. Легат

ВОСНИЯ. ВО ИМЯ ТВОЁ

МАКС ДАЛИН

КОРОНА,
ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д15

Иллюстрация на переплете *Selann*

Далин, Макс.
Д15 Корона, Огонь и Медные Крылья / Макс Далин. — Москва : Эксмо, 2023. — 640 с.

ISBN 978-5-04-180334-6

Нут — богиня судьбы, неподкупная и насмешливая. Её всегда изображают с парой игральных костей на раскрытой ладони: всё на свете зависит от того, как эти кости лягут. Моли, чтобы бросила, моли, чтобы не бросала, — всё тщетно, смертному судьбы не изменить.

И юная принцесса, отправленная морем к своему суженому, принцу дружественного государства, попадёт совсем не туда, куда ожидала. И принц найдёт совсем не то, что искал. И многих, многих других подхватит тем же вихрем, который несёт мрак, войну и меднокрылых людей-птиц, — и Нут усмехнётся, снова подбросив кости...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180334-6

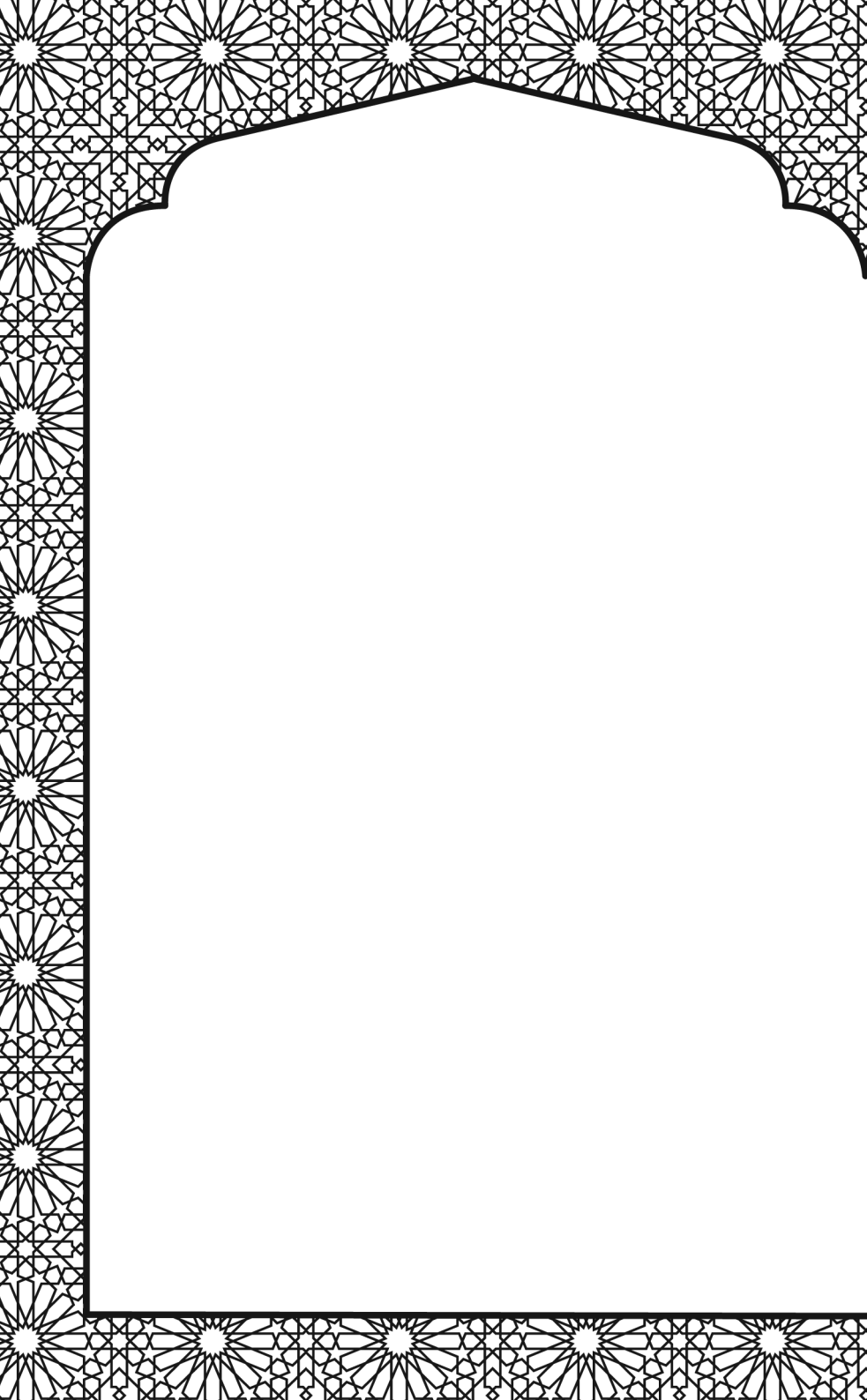
© М. Далин, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

*...Торможение держит тебя изнутри –
Я уже научился сжигать города,
Но тот пожар никому не заменит заги!..*

*...Я не сдвинулся с места, пока не смекнул,
Что во мне, будто в дереве, спит человек.
Подустал от бездействия мой караул;
Каждый саженец – сам себе ствол и побег!*

Константин Арбенин

ЖАННА

Мне едва исполнилось шестнадцать лет, когда я увидела медный лик своей Судьбы, а Судьба взглянула на меня. Дождь полился с земли на небо, дерево выросло вверх корнями, я посмотрела на образ Господа Всезрящего, а он улыбнулся и подмигнул — вот до такой степени всё стало странно и нелепо, хотя начиналось чрезвычайно обыденно, самым что ни на есть ожидаемым образом.

Я воспитывалась в монастыре Великомученицы Ангелины, потому что так пожелали мой отец, государь Северного Приморья, и отец моего жениха, государь Трёх Островов. Жизнь моя текла однообразно и неспешно, так же как медленная и ленивая равнинная река, на которую я каждый день смотрела из окна моей кельи. Мои дни отличались от дней прочих монахинь только тем, что дважды в неделю ко мне приходили учительница танцев с наставницей в языке Трёх Островов и придворном этикете, а трижды — старенький профессор истории и права, который говорил любопытнейшие вещи, когда не кашлял. Всё прочее время было совершенно обыкновенно. Я тоже

МАКС ДАЛИН

вышивала наалтарные покрывала, я тоже пела в монастырском хоре, я тоже гуляла в саду — разве что мне было отказано в удовольствии ухаживать за цветами, дабы грубый крестьянский труд не испортил моих рук. И скучный мир царил в моей душе — я знала наперёд всё, что произойдёт со мной в моей дальнейшей жизни.

Я точно знала, что шестнадцать лет покину стены монастыря, чтобы отправиться в далёкое морское путешествие. Корабль, который снарядит мой отец, после долгого пути достигнет западного берега страны, где живёт мой суженый и где мне суждено стать королевой. Портрет принца Трёх Островов, Антония, давным-давно висел в моей келье, напротив образа; я и привыкла к нему не меньше, чем к образу. Не знаю, любила ли я, желала ли любить подобно всем девушкам — или просто смирилась с неизбежным и приняла его. Беленький подросток с тяжёлым подбородком и чуточку капризным выражением лица, в тяжёлом бархате тёмных цветов, на фоне тяжёлых тёмных драпировок — на портрете он был изображён одиннадцатилетним; я понятия не имела, как он выглядел сейчас, девятнадцатилетним юношей. Тем более я даже представить себе не могла, каковы его нрав, убеждения и симпатии, желает ли он видеть меня хоть чуть-чуть и не кажется ли ему мой портрет, для которого я в своё время позировала целый месяц, докучным пятном на стене.

Итак, иногда принималась размышлять я, там, на Островах, я стану первой дамой, поселюсь во дворце,

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

меня будет окружать сонм фрейлин, мне будут вдевать нитку в иголку, декламировать стихи, играть на клавикордах... Меня окружают чужие люди, говорящие на чужом языке, который я учу уже пятый год, но на котором так и не научилась думать, — вряд ли кто-нибудь станет искренне хорошо ко мне относиться. Я навсегда останусь для двора моего мужа чужеземкой — так бывает со всеми. Я спасусь от страха и одиночества тем, что заведу прелестную маленькую собаку, белую с чёрной мордочкой, какую я видела у знатной дамы, заезжавшей в монастырь на исповедь. Я буду присутствовать на турнирах, охотах, балах, церковных службах. Мне будут говорить дежурные любезности. Потом у меня родятся дети — Господь знает, как это произойдёт, но так полагается даме. Мой старший сын примет титул наследного принца. Так всё и пойдёт до самой моей смерти. Всё очень просто и ясно.

От этой простоты и ясности я пребывала в какой-то сонной апатии, будто пойманная и запертая в клетку рысь. На моей жизни стоял крест, как на аккуратном и грамотно составленном, но уже апробированном документе. Никаких смятений, бурь и греховных страстей не намечалось — им просто неоткуда было взяться. Я жила подобно узнице — без особых ущемлений и лишений, но иногда мне почти хотелось и того и другого. Будь у меня крылья — я попыталась бы улететь; будь у меня достаточно решимости и безрассудства — я прыгнула бы с монастырской стены и без крыльев, чтобы разбиться вдребезги и покончить с этой бес-

МАКС ДАЛИН

конечной вялой никчёмностью. Ни одной струйки свежего воздуха не пробивалось снаружи. Романы о прекрасной любви по непонятной причине нагоняли на меня тоску, а не сладостные мечты — а кроме них, душеспасительных историй, житий святых и пособий по этикету, более ничего в монастырской библиотеке не было.

Мне говорили, что я не глупа, но я ни с кем не сходилась близко. Меня не любили, хотя я не давала повода для нелюбви, стараясь быть со всеми вежливой и приветливой. Пустяки, развлекавшие других узниц из аристократических семей, казались мне невыносимо скучными. Девушки мечтали о влюблённых красавцах и придворном блеске, завидуя мне, — а я не хотела быть первой дамой. Сейчас я не могу сказать, кем мне хотелось бы стать.

Может быть, кошкой, охотящейся на воробьёв. Или боевым конём. Или крестьянской девчонкой, которая гоняла мимо монастырской ограды гусей и бранила их непонятными словами. Или ласточкой. Не знаю.

Иногда я втайне от всех, даже от своего духовника, жарко молилась, прося Господа сделать что-нибудь выходящее из ряда вон, пусть самое невообразимое и ужасное. Вероятно, я, ещё почти безгрешное дитя, влагала в эти молитвы чрезмерно много страстной веры — как бы то ни было, Господь ли их услышал, та ли богиня, о которой речь впереди, но они оказались угодными небесам...

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

В день моего шестнадцатилетия за мной приехали тётя с дядей в сопровождении пышной свиты. Меня впервые за пять лет одели в светский костюм; дорожные робы с тесным лифом показались мне неудобными и тяжёлыми, но я снова видела зависть в глазах моих якобы подружек, оттого промолчала.

На прощание я исповедалась, слегка умолчав о некоторых своих не слишком праведных мыслях. Со мной якобы тепло расстались.

Когда в сопровождении тётки я вышла из монастырских ворот, почти все бароны из дядиной свиты уставились на меня как на заморское диво, а дядя завопил басом: «Душечка, какая вы стали чудесная красавица!» Тётя побагровела, став похожа лицом на сердитую москву, напряжённо улыбнулась и велела мне садиться в дормез, где лежали подушки и неподвижно висел пыльный запах.

Нет смысла особенно подробно описывать дорогу. Стояла пыльная жара конца июня. Мне надлежало радоваться возможности вырваться, наконец, из клетки, но было неловко в платье, душно в дормезе и тяжело на душе. Тётке всё время казалось, что я веду себя неприлично: если я пыталась выглядывать за занавеску, следя за дорогой, это было неприлично распушено, если я сидела смиренно, сложив руки, и молчала, это было неприлично замкнуто. Тётка, которой я в детстве была нелюбопытна и безразлична, теперь невзлюбила меня не на шутку. Неужели, думала я с горечью, дело только в том, что дядя нашёл меня привлекательной?

МАКС ДАЛИН

Это было как-то даже смешно, потому что я сама нашла его не более привлекательным внешне, чем дубовый бочонок на коротких толстых ножках. Впрочем, дядя был добр со мной; я бы стала беседовать с ним, если бы тётя позволила ему хотя бы приблизиться к дормезу.

Кроме тётки в дормезе ехали три пожилые дамы, которые полностью разделяли точку зрения своей госпожи и всю дорогу учили меня манерам и скромности. Одна из них, сухая, с лицом, похожим на опавший лист в ноябре, сказала, что девушку не доведёт до добра такое сочетание чрезмерной красоты, чрезмерной гордыни и чрезмерного здравого смысла. Все прочие с ней согласились.

Я чувствовала себя отчаянно одинокой.

До портового города, где в Белом Замке меня дожидались отец с матерью, чтобы благословить и проводить в дорогу, а у причала ожидал тот самый, снаряжённый для свадебного путешествия, корабль, кортеж добирался неделю. Первую ночь я провела на постоялом дворе, где от простыней отчего-то сильно пахло рыбой, а под ними жили клопы. Это, вероятно, покорило бы более благовоспитанную девицу, но мне показалось попросту смешным. К тому же прислуга была очень добра и мила со мной; весёлый молодой лакей угостил меня пирожками с малиной и показал целый выводок слепых котят в лукошке, чем очень меня позабавил, а служанки принесли в мою комнату букет полосатых лилий и распахнули окна, отчего в комнате стало свежо. Несмотря на клопов, я разве-

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

селилась, но тётя испортила мне хорошее расположение духа, сказав, что я распускаю холопов. Больше мы не ночевали на постоянных дворах, и мне пришлось спать в душном тесном дормезе, полночи слушая по-свистывание спящей сухой дамы и залиvistый, мелодически сложный храп тётя.

Возразить мне не дали.

Против воли я ждала встречи с отцом и матерью чрезвычайно нетерпеливо. Чем ближе наш кортеж подъезжал к городу, тем сильнее меня жгло ожидание; я едва справлялась с собой, плела в косички бахрому на занавесках дормеза, крутила бусины на шитье и порвала чётки. Эти безрассудные действия вызвали недовольство тётя и её придворных дам, надо признаться, на сей раз вполне заслуженное.

Я ведь знала, что в действительности меня ждёт. Моему отцу, великому государю Эдуарду, никогда не было дела до меня... то есть он не был жесток, его волновало, здорова ли я, хороша ли еда на моём столе, усердно ли ухаживают за моими постелью, одеждой и посудой — но более не интересовало ничего. В раннем детстве я однажды слышала, как отец осведомляется у конюшего о здоровье своего охотничьего жеребца — и меня на всю жизнь поразила схожесть интонаций в той подслушанной реплике и в отцовских расспросах о моём собственном здоровье. Полагаю, с государственной точки зрения принцесса была не менее полезной скотиной, чем лошадь: ведь устройство её

МАКС ДАЛИН

брака могло принести ощутимые дипломатические выгоды престолу.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что отец всё же проявлял заботу о моём благополучии, по крайней мере, признавая эту полезность. Мать не признавала во мне ничего хорошего. Кто-то из её фрейлин говорил, что королева бывает нежна с сыновьями – возможно, но я не видела её нежности, почти не видела своих братьев и чрезвычайно редко видела мать. Моим детским окружением были няньки, наставницы и камеристки – мать лишь иногда входила в мои покои со скучающим вялым лицом, небрежно окидывала меня взглядом, морщилась и удалялась. В детстве я полагала, что мать измучена государственными делами, не оставляющими ей ни одной свободной минуты, что она устала и хочет отдохнуть; теперь мне казалось, что королева всегда очень мало любила меня.

Но почему-то я решила, что нынче, когда я стала взрослой девушкой, всё изменится. Недаром же я изучала эти пять лет и историю, и дипломатию, и основы права – может быть, отец теперь захочет побеседовать со мной, думала я. Теперь я смогу хотя бы отчасти, с примесью женской непоследовательности и легкомыслия, разобраться в его сложных делах. К тому же надо будет выразить матери сочувствие по поводу обременительных придворных обязанностей, чтобы она догадалась: я стала достаточно разумной и теперь хорошо понимаю её.

Сейчас я сознаю, как в те дни была глупа и ребячлива. Но тогда весь этот смешной вздор казался мне

КОРОНА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ КРЫЛЬЯ

вершиной утончённой политики и чем-то исключительным в смысле постижения чувств и сложных движений чужой души.

Кортеж встречали герольды под златоткаными штандартами, музыканты с рожками и самая блестящая знать, какую я могла себе представить. Дормез окружили всадники в сияющих кирасах, с плюмажами на шлемах и щитами с королевским гербом. Дорога от городских ворот до Белого Замка была усыпана цветами. Бедный люд, толпясь по обочинам, кричал: «Да здравствует принцесса! Счастья тебе, прекрасная!» Тётя, против своих обычных правил, заставила меня широко раздвинуть занавески, чтобы горожане видели моё лицо, и дала мне мешочек с мелкой монетой, чтобы я могла творить милостыню.

Признаться, я была счастлива одарить этих добрых людей хоть чем-то. Меня тронула их непосредственная радость. Весёлая чумазая девчонка кинула мне какой-то простенький цветок с жёлтой серединкой, и я сочла милым приколоть его к корсажу. Это вызвало восторг толпы — и в дормез бросали цветами, пока он не въехал во двор замка.

У меня на душе стало светло и весело. Я наивно радовалась, что простой люд так любит меня, и сама любила весь мир Божий. Моя душа начала пробуждаться; вдруг показалось, что всё, наконец, изменилось, и жизнь моя теперь будет весела и полна смысла. Когда мне позволили покинуть дормез, я выскочила, забыв о тяжести светского костюма, — и тётя тут же ткнула